

С. ПЕРВЫНСКИМ

АВДАБА

СМХМ

ХОД

МВАММ

МОСВА
1924

С. ШЕРВИНСКИЙ

Александру Ивановичу Иванову
лучшему другу Муса и
грающему родного языка.

Передал автор

ЛИРИКА

1 июня

1924.

СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

МОСКВА

1924

Гублит № 18853.

Тираж 600.

Типография Российской Академии Художественных Наук.
Изд. авт.

Марии Шервинской.

Выпуская в свет настоящий сборник стихов, написанных давно, во многом устаревших для написавшего их и далеких от трепета современности, автор преимущественно хотел зафиксировать для себя и для друзей, сочувствующих его стихотворческому труду, существенный для него этап поэтического развития его молодых лет. „Стихи об Италии“ были частью сочинены еще до революции, частью в разное время, до 1921 года. Читатель заметит в некоторых из них непривычную для слуха форму: автор пытался выразить повествовательный, несколько прозаизирующий характер этих стихотворений в ямбико-анapestическом метре с весьма вольными заменами, приближающемся к двенадцатисложному французскому стиху, особенно в его классической традиции.

С. Ш.

ЛИРИКА.

Прошла над городом гроза,
И рдеет древняя колонна.
Дождем омытая лоза
С нея спустилась благосклонно.

Среди руин я внемлю, тих,
Воспоминанью песнопений,
И чья-то лира на ступени
Бросает тень у ног моих.

Быть может, так, окаменев
В миг созерцанья меж развалин,
Навек останусь, сам—напев,
Безоблачен и безпечален...

Сумрак. Внемлю липы трепет,
Шопот вешнего листа;
Разумею вещей лепет:
То не листья,—то уста...

Но, деревьям не внимая,
Не устанет мимо течь
Речь иная, речь пустая,
Человеческая речь...

Без волнений, без ненастий
Задремал вечерний мир.
Вечер жизни. Вечер страсти.
Вечер дум. Молчанье лир.

Вечер первый дней творенья,
Первый в жизни наступил.
Тихо. Миг отдохновенья
Божью душу усыпил.

Сребра и злата не хочу,
Ни их бряцанья, ни мерцанья.
Опять я легкий улечу
В мир отрешенный созерцанья.

За сей спасительной грядой
Не жжет мороз, не реют грозы,
И дни проходят чередой
Благоуханные, как розы.

Я улыбнулся призракам людей,
Их говору, речам, делам и целям.
Толпой живых,—но заживо теней,—
Идут они к подземным асфодеям.
И я меж них—мгновеннейшая тень,
И ты меж них—цветок, цветущий день,
Но тени плоть огонь таит бесплотный,
И в вечности, куда наш общий путь,
Где трепету земному не уснуть,
О вечности узнает мимолетный.

Мелодию любви люблю играть губами
На флейте губ твоих...
Слезами утомлен и тихими мольбами,
Отраднѣй звук затих...
Едва... И вновь звучит, вновь на дрожащей флейте,
Как вихрь божественный, любовь поет в тиши...
О, звуки сладкие, до глубины залейте
Пустые омуты души!..

Безумец, сам не чуешь ты,
Какие ныне ты рвешь цветы.
Цветов таких ты в жизни целой
До старости слепой и белой
В своих садах не встретишь вновь.
Растит их небо, поит их нежность,
Их обвевают души мятежность,
И миррой каплет с них любовь!

Еще ли жизнь не хороша?
Зачем волнуешься, душа,
Над первым деревенским снегом?
Устремлена к каким ты негам?
Каким ты буйственным побегом
Смущаешь разум и пьянишь?
О, чуткий сон! Живая тишь!
Лежит земля, она не грезит...
Но ближе солнце,—и уж лезет
Из почвы чувственный росток...
И над проталиной цветок
Раскроет звездочку лазури...
И нежные повеют бури
В нагих ветвях, в пустых полях,
В овинах, кровлях и крестах
С таким влюбленным умиленьем,
С такой печалью и томленьем,
Что будем плакать и любить...
Еще ли ты не счастлив жить?..

Созвучий ток, неясственный для слуха,
Струится вокруг, и слухом тайным духа
Мы внемлем их... О, вечный слух двойной!
Один приток в огне изнеможенья,
К источникам играющим творенья,
А слух земной, наперсник наслажденья,
Младенчески пленится тишиной...

Когда ко мне приходишь ты
С полу-безумным песнопеньем,
Мои отсталые персты
К цевнице тянутся с волненьем.

Слиянны в музыке одной,
В сияньи певческой денницы
Две мимолетные цевницы
Поют об истине земной...

Пропели и замолкли вдруг,
И притаилось их дыханье,—
Но дол хранит благоуханье
И их божественный испуг.

Свирели звуки в камыше,—
И все с таинственной согласно,
Все покоряется пристрасно
Сосредоточенной душе.

Но замолчал певец ночной,—
И мир восстал расцепенным,
Шумит и жаждет: быть плененным,
Свирели рабствовать земной.

О сказочной и призрачной стране
Лимонный лист напоминает мне,
Упругий лист, надолго ароматный.
И горизонт я вижу необ'ятный,
Даль южную и первую красу
Души своей... Я в памяти несу
Их бережно и мыслью неуснувшей
Все странствую по радости минувшей...

Душу негой услаждают
Злая лень и пустота.
Самовольные уста
Стих бессмысленный рожают.

Чувством беден, словом щедр,
Нерешительный немею:
Не хочу иль не умею
Пробудить душевных недр?

Но, быть может, стих бездомный,
Как случайное дитя,
Будет полон жизни томной,
В мир явившийся шутя,

И людей пленит беспечный
Сын, не знающий отца,—
Стих, рожден от правды вечной,
Не открывшей мне лица...

Мгновенною дорогою героя
Блестящий день сопроводив в века,
Блаженствуют на трапезе покоя
Багровые с венцами облака.

Но вот уж ночь на их успокоенье
Отрадную прохладу пролила,
И пирные молчат провозглашенья
Над чашами пустынного стола.

И дольный мир, как зала пиროванья,
Безмолвственен становится и пуст,—
Лишь слышно в нем любви повествованье
Забывшихся и вдохновенных уст.

Ты хочешь знать, как дом свой новый
Устроил нынешний поэт?
Смотри: сквозь этот лес дубовый
Ведет мой одинокий след.

Мой дом стоит на выси горной,
Где ближе он к об'ятям туч.
Вблизи шумит родник проворный
По имени Кастальский ключ.

Пред домом сад уединенный,
В нем лавр и мирт—краса земли,
Из сада виден брег наклонный
И в море синем корабли.

В дому над хладным камнем ложа
Висит отцовский барбитон,
Я струны по ночам тревожа,
Бужу в нем задремавший звон.

Коль хочешь, будь мне гостем ныне,
Тебя приму я, как могу,—
Но знай, что древние святыни
И днесь я твердо берегу.

Налью тебе вина простого,
Смешав с кастальскою струей.
Коль не боишься, что сурово
Тебя обычай встретит мой,

Коль ты со мной, мы наши узы
Скрепим в полуночных пирах,
И голос ты услышишь Музы
В моих напевах и стихах!

СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА СИЛЬВЕСТРА ЩЕДРИНА.

Когда еще в пыли троттуаров немощенных,
Линейками треща, процветала Москва,
А гордая Нева в Ботнических затоках
Гранитом берега облачила едва,—
Наши деды тогда в широкополых шляпах,
Полны романтикой, расстегнув воротник,
От имений своих и от изб косолапых,
И от тощих полей, где жатву жал мужик,
На прихоть не гневясь скучающего бара,
Уезжали туда, где воздух для певца
Так мягок, где „синьор“, „гитара“ и Феррара,
Где Торкватов напев слетает с уст гребца...
И нес их дилижанс на берега Сорренто:
Их прельщала семья певучих рыбаков,
Ладзарони нагих и черных стариков,
Макарон бахрома и желтая полента,
Обгрызанный арбуз, золотой апельсин,
Со смехом кинутый рукою загорелой,
И Средиземных волн простор с каемкой белой,
И народный театр, где рваный арлекин
Горланит, где гремит смех неаполитанца,

Горячий, словно день, легкий, как плеск весла,
И в горах девушка, ведущая осла,
Белый сложив платок над загаром румянца...
Там ты расцвел, Щедрин. Виноградные сени,
Куда с моря ведут скалистые ступени,
И прохладу любил ты сельских галлерей,
Где солнца теплый луч пронизывает кисти,
В сладких соках таящие „Lacrime Christi“,
Где курчавы ребята, где грудь матерей
Солнцем опалена... В хозяине ты друга,
Наверное, нашел, и душу он твою
Беспечнейшей пленял любовью к бытию
И гортанным акцентом болтливого Юга...
А вечером, мольберт на утес водрузив,
Ты садился смотреть, как ловят крабов дети,
Как влажные еще, усевшись, чинят сети
Старухи, старики... Зеленеет залив...
На шарфы красные струится ветер тонкий,
От Капри веющий. Наполнен речью звонкой
Весь берег. Скал меж тем приморская стена
Темнеет. В музыку, в любовь и в сон Сорренто
Уходит... Лишь одна неба светлая лента
Как будто серебром прозрачным зажжена...

ЛИК ФЛОРЕНЦИИ.

Из дорогих мне лиц знакомых городов,
Где часто я влачил мечтательность былую,
Особливо в себе лелею и милую
Я лик Флоренции... В пять или в шесть часов
В коляске поезжай к вершине Сан Миниато,
Где выхолено все, благодушно и свято,
Где к кипарису льнет молодой кипарис,
Где дремлют мертвые под мрамором Каррары,—
И оттуда смотри на Флоренцию, вниз...
О душистый сентябрь!.. О Тосканские чары!
Так ее увидав, захочешь шляпу снять,
Как пред знакомою,—не в знак благоговенья,—
Но, поздоровавшись с улыбкой, приподнять
Жесткий край канотья... Привычное виденье!
Как лента узкая, пропущен под мосты
Лазурный издали, вблизи же мутный Арно.
За городом во мгле осенней теплоты
Предгорья плавные синеют лучезарно,
И над пурпуром крыш в отливе золотом,
Алея гранями в передзакатном блеске,
Как полог, осенил Мадонны строгий дом
Купол, взлелеянный мечтою Брунеллески...
И раз еще впитав в себя знакомый лик,
Спускайся медленно, и можешь на пьядцале
Вновь стоять, где наш век Пращеносца воздвиг,
Чтоб суетные дни у ног его бряцали.

ГОСТИННИЦА.

В моей Италии встречается досель
На тихих площадях особый род гостинниц.
Их хозяин—седой проворный флорентинец,
И вывеска гласит „Albergo“, не „отель“.
Такой albergo полн привычек и традиций,
Но потерты ковры, столы запылены,
И аромат гарибальдийской старины
Задохся в комнатах. Перебирая спицей,
Прислуга старая приветствует гостей.
В каждом номере ждет с громадным балдахином
Двухспальная постель, где высоким перинам
Мы рады в холоде нетопленных ночей.
Во всей гостиннице не чуешь жизни новой,
И переписаны с пол-века потолки,—
Румяные цветы, венки и мотыльки,—
Но сохранней всего былая жизнь в столовой:
Старомодный сервант и люстры из стекла,
Пустынны столики с меню в приличном тоне.
И нас перенеся к Миньоне и к Гольдони,
Тускнеют на стенах рококо зеркала...
Здесь выпить хорошо в бокале старом асти
И усталость стряхнуть в тот уютнейший миг,
Когда уж подан сыр и тосканские сласти,
Янтарность нэсполи иль пресный пурпур фиг.

ГОНДОЛА.

Когда по Сухоне я плыл и по Двине,
Где лиственниц леса и рек разливных дюны,
Пузатые баржи там понравились мне,—
Но более люблю я гондолу лагуны...
Моей Венеции бесшумная ладья!
О тихая стрела! Словно скорбью, одета
Черной ты бахромой. Люблю твой траур я.
Нарочно создана, чтоб баюкать поэта
Немая гондола, под арками мостов
Скользящая своим серебрящимся носом.
С нее внимать легко звукам многоголосым,
Житейской музыке каналов и домов,
Где сопрани звучат под певучую скрипку.
Как мило с гондолы в вечерний миг улыбку
Красавице дарить!.. В поворотах, где сѣр
И мшист нагих дворцов угол заплесневелый,
Мой гондольер, слегка склонясь в рубахе белой,
Гулкий крик подает, и встречный гондольер
Ему отвечает, и рядом проплывая,
Проходят гондолы, не задевая края...

.....
Май благодатный был, когда я одиноко
Томился от лучей венецианских звезд.

В воду текли цветы из-за стены высокой,
И тени с говором скользили через мост,
Одеты в белое... Сомненьями не мучим,
В накрененной ладье, южной ночью дыша,
Я мира пил красу, и в городе певучем
Цвела так сладостно влюбленная душа!

ЯЗЫК ВЕНЕЦИИ.

Нет музыки нежней, чем говор человеческий,
Но в повседневности шумливых наших дней
Мы в четырех стенах людские слышим речи,
То крик оратора, то диалог друзей...
Но в странном городе на берегу лагуны,
Где с морем венчаны, медлительные луны
Баюкают в ладьях благоуханный май,—
Там говору людей на воле ты внимай.
Где тихие мосты, где до морских окраин
Доносится удар гигантовых часов,
Где каждый стройный миг из тишины изваян,
Услышишь пенье, крик, брань, ропот голосов,—
Их гулко отдают зеленые глубины...
Язык Венеции, как рокот голубиный,
Тех смирных голубей, чей легкий трепет мил
Плечу туриста... Я и каждый их кормил
На знойной площади у Марковых подножий,
Где, виден издали, исконный Вены враг,
На мачте треплется красно-зеленый флаг
Турина юного над ветхим градом дождей...

К СТОРОЖУ ЦЕРКВИ САН-ДЖОРДЖО ДЭИ СКЬЯВОНИ.

Еще ты жив ли, мой единственный приятель
В Венеции? Ужель роковая война
Тебя оторвала от твоего окна,
Не для того, чтобы пополнить,—мой создатель!—
Смелых колонн ряды, что альпийскую грудь
Дробят, предведены седовласым Кадорной,—
Ты был уж слишком стар,—но смерть могла спугнуть
Тебя и, может быть, уже на лодке черной
По лагуне твой прах увезли в тишину
Морского кладбища твои внучата, дети
И семейные все... Я помню: в ту весну
Я любил посмотреть, как ты рыбацьи сети
Сшиваешь сморщенной и узлистой рукой,
По подоконнику протягивая ногу,
Которую томят ревматизмы в пустой,
Но славной церкви. Здесь уже не служат богу
Давно... Алый шарф повязав, одиноко
Небритый здесь сидишь... Ты рассказывал мне,
Как жил художник тут из России далекой,
Что чай обильно пил, что только по весне
Уехал, что с тобой распростился, как с другом...
Я в болтовне твоей всего не понимал,
Но полнилась душа блаженнейшим недугом...
Сан-Джорджо! Милый храм, и уютен, и мал,

Полу-темный, блестит вековой позолотой...
Карпаччо на стенах прилежною работою
По фризу нам явил простодушный рассказ:
Там братья прах несут почившего в восторге,
А там, копьем разя, проносится Георгий
На фоне города в передвечерний час.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ДЕВА.

С. С. Заяицкому.

Я знаю: позы ты не принял иезуитской,
С негодованьем ты не станешь отвергать
Нестрогие стихи, мой милый Заяицкий,
Где только памяти хочу я помогать...
Ты помнишь милых дев Венеции любезной?
Ах, лунным вечером иль лучше ночью звездной,
Невольно юношу таинственно влечет
Под арку темную гигантовых ворот,
Где извивается шумливо Мерчериа.
В ней движется толпа, а в окнах кисти бус,
Мозаик пестрота пленяют чуждый вкус,
Со львом апостольским тисненья дорогие
И слава поздняя муранского стекла...
А там стоит она, таясь из-за угла,
Мещанка по лицу, по стану королева,
Венецианская пленительная дева,
Которая меж нас своей добычи ждет...
Иль страстью на тебя уста их не дышали?
Ты помнишь беглый взгляд и траур длинной шали,
И в переулок вдруг неожиданный поворот,
И смех заманчивый, и низкий тэмбр альта,—
И здесь у Сан-Дзулиан иль около Риальто
Идет к ней юноша и предлагает сесть
В немую гондолу, чтоб вместе ночь провести.
Вот отданы пути случайной Ариадне...

Нет города нежней, но нет и беспощадней
Венеции! Ее причудливая сеть,
Где триста мостиков не устают висеть
Над бездной роковой канальца иль канала,
Таит до наших дней и Шейлоков немало,
И всяких нор, куда полночная краса
Увозит юношей,—храни их небеса!..
Ладья, накрена, скользит стрелою; скоро
Уж пройден Вендрамин и золотой Ка д'Оро,
Но вот красавицы корыстный произвол
В ущелье мшистое любовный путь увел,
Уж гондола скользит по темным переулкам.
Вот церковь проплыла, мелькнув во мраке гулком
Сырой стеной. Кругом безлюдно и темно,
Лишь ругань сыплется в открытое окно,
Крик женский иногда пронзает воздух влажный,
Да изредка удар иль поцелуй продажный...
Ах, страшно!.. Что ему прелестный шепчет рот
На языке чужом? Вот новый поворот,
И приоткрыла дверь им грязная трущоба...
Здесь вместо ложа ты найдешь... не крышку гроба,—
А смерть безвестную, бескровной раны боль
И для нетления лагунной влаги соль...
А этот кто такой, стоит, в кармане роясь?
Наверно, у него кинжал заткнут за пояс?!
Решетка для чего у черного окна?
И в доме почему такая тишина?
О бедный юноша! Промолвив „buona sera“,

Уже красавице он кинул кошелек,
Из лодки не встает и молит гондольера,
Чтоб поскорей его отсюда он извлек...
Отелло, Джессика, ридотто, Казанова!..
Проклятый романтизм! Нет, на пьядетту снова,
Где плавная толпа, где шумные кафэ,
Где речь звучна, как стих в Торкватовой строфе,
Где гондолы толпой бескрылой присмирели,
Где чопорно царит роскошный Даниэли,
И с лошади следя беспечные часы,
Взмывают короля крученые усы...
Так, Заяицкий мой, ты жив, и я доволен,
И даже ни душой, ни телом ты не болен,
И ныне легкий нрав исправить собрался...
Увы, проглочен крюк, натянута леса.
Пропитан Фолькельтом, сигарой и рейнвейном,
Предвижу, будешь ты почтенным и семейным,
И скоро, скоро уж на свадебных пирах,
Наверно, у тебя я буду в шаферах...
Но, верю я, тебя семейные обузы
Не вовсе отвлекут от дружественных уз,
И поэтический наш сохранят союз
Навек любимые и праведные музы!..

У МОСТА ВЗДОХОВ.

Однажды, обратясь к Понтэ дэи Соспири,
Я склонился на мост, чей влажный парапет
Стал блестящим от рук за четыреста лет,
И за спиной моей волна лагунной шири
Плескалась тихо... Миг тот чёрный помню я,
В Венеции, где мы так редко брови хмурим!..
Исполняя закон, зелёная ладья
В этот миг подплыла ко входу древних тюрем,
И на лодке сидел меж сабель на-голо
Преступник в кандалах, большой, красноволосый,
В разорванном холсте. Страдание свело
Ему конвульсией скулу и нос курносый...
Им убит человек? Чужой расхищен скарб?
Обещана ль им на Мурано невеста?
Иль с моря негодяй босой агенобарб,
Завернувший сюда из гавани Триеста,
Чтоб по Венеции звон разнести оков?..
Был прочитан приказ. Слова звучали четко.
И гулко звякнула тюремная решетка,
И промозглую пасть на миг открыл засов,—
И зверь вдруг заревел, и мускулы надули
Белесые бугры... Кусал он цепь свою,
Завопил, зарыдал и грохнулся в ладью,—
Но тут три пары рук солдатских протолкнули
Его в колодезь тьмы... И томительный вздох
Меж нами пролетел, стоявшими на сгибе

Изящного моста... Гранит, одетый в мох,
Вдруг призраком возник из молчаливой зыби
Веков и вод. Тюрьмой неизбывной стоит
Любимица любви и томных дилеттантов!
Явью чудится нам согревший мрамор плит,
Труп обезглавленный на Лестнице Гигантов...

ДИТЯ ВЕНЕЦИИ.

На плитах пламенных, соседствующих с влагой,
Где днем и ночью спит слепой старик с багром,
Где часто ветренник проходит с тонкой шпагой,
Сопровождаемый всегда ростовщиком,—
Ты свет увидела, и знала ты измала
Прикосновенье лишь к ногам горящих плит,
И жалась, смуглая, к подножью пьедестала,
Где мнится путнику звон вычурный копыт
Коня роскошного, на коем рыцарь бритый
С лицом Нечистого и панцырем покрытый
Жезл в бронзовой руке налево повернул.
Здесь у кирпичных стен ты вслушивалась в гул
Томивших радостью тебя богослужений,
Месс с причтом золотым у дожеских гробниц,
Здесь лет в четырнадцать ты припадала ниц,
Молясь: боялась ты соседских осуждений
За мимолетный грех, приплывший на корме
С веслом плескающим, свершенный в сладкой тьме
Апрельской полночи у храмовой абсиды...
Ты из об'ятий тех гроша не унесла,—
Лишь сладострастный плёск влюбленного весла
Да сердце полное младенческой обидой.
А после в кружевном большом воротнике
Сияла во дворцах, окружена рабами,
Виолам праздничным внимала вдалеке,
Томилась и цвела беспутными ночами,

И золото волос твоих пленяло кисть,
И славили твою беспечную корысть...
Когда же ты была застигнута нежданно
Болезнью, старостью, забвеньем, нищетой,
Перевезли тебя на лодке безуханной
Под алым рубищем лагуной голубой,
И дочь твоя, дитя, которой ты не знала,
На плитах каменных под ливнями дрожала,
Похожа на тебя, курчава, как и ты,
Дитя лагунное красы и нищеты...
Дитя Венеции! Тебя я знаю ныне.
Когда с Бедекером исписанным к картине
Прославленной я путь причудливый ищу,
Среди убожества о прошлом не грущу,
Хотя и не забыв совсем о Чайльд Гарольде,
Склоняюсь, проходя под влажное белье,
Из переулка вдруг мне личико твое
Мелькнет, и слышу я привычный возглас: „Soldi“,
Как легкий ветерок по струнам тростника...
Но помня издавна все наставленья гидов,
Пристрастия к нищенке улыбкою не выдав,
Вхожу в прохладный храм,—взволнованный слегка,—
И прямо к алтарю иду без колебанья,
Где фра-Антонио уж обещает стать
Мне на день идолом научного мечтанья,—
Так изумительно умел он птиц писать...

БАЙРОН В ВЕНЕЦИИ.

Любимый из певцов, и ты пронесся здесь!
В сих переулках ты бродил, как демон,—весь
Истерзан грозами весенними... Приметил
Лишь чистый глаз детей, как взор поэта светел...
Через Италию должны вести певцов
Камены. Ты прошел среди ее сынов,
Как луч из мрака туч, с улыбкой сладострастья,
Любовник пламени и дольного несчастья!—
Меж тем как там вдали тебя уже звала
Эллада, милая для гениев... Свобода
Сама у плеч твоих взрастила два крыла
И сына лучшего, как жертву отдала
Вспоминанию мятежному народа!..
И здесь в Венеции, меж гондол и гитар
Ты юность жег. Богов завистливая кара
Ждала тебя,—а ты лелеял путь Икара,
Когда мелькал в плаще во мраке звездных чар
И призраком смутил безумие Эдгара...

ПЕРЕВАЛ.

Нет, вечно юная, не изменилась ты!
Ах! едва промелькнут Альпийские хребты,
Спустясь в Ломбардию своим дождливым скатом,
Пеленами снегов и утесов агатом,
Поросшим бородой неразвеянных туч,—
Вдруг над деревней гор с незвонкой колокольней,
Над ущельною мглой и над речкою дальней
Разорвет облака первый солнечный луч...
То луч Италии. Италия приветом
Своим встречает нас, драгоценнейшим светом,
Который нежит взор и обещает нам
Рай чудесный, для душ и для легких бальзам,
Целящий и теплом, и веяньем свободы.
О первый солнца луч!.. Дребезжит наш вагон,
И окна звонкие от дыма потускнели...
Вот мелькают, гремят клубящие туннели,
Еще один, еще... И чистый небосклон
Уже сияет нам. На последнем предгорье
Зацепились клоки последних облаков,
А здесь—безбрежный свет и счастливое взморье,
Страна мечтателей, больных и рыбаков...
Открывайте окно! О воздух благодатный!
Морем веет в вагон и розой ароматной.

Из-за оград у вилл улыбаются нам
Мимоза, олеандр и лавр, красавец юга,
И мирта тихая, поэзии подруга...
Несемся, мчимся мы, и к рельсовым путям
Подступает уже дробящаяся пена
От Средиземных волн... Речей, лиц, звуков смена,
Сигар дешовых дым и запах чеснока,
У соседа в руках „Corriere della Sera“,—
Там мачты Генуи, приюта моряка...
Привет тебе, привет, счастливая Ривьера!

Г Е Н У Я.

Льву Зак.

Всегда я, Генуя, к тебе был равнодушен
Есть и в Италии сухие города,
С сердцами жесткими: Милан шумлив и скучен,
Нескладна Падуя, и Генуя всегда
Мне казалась чужой,—но сколько раз тоскливо
Я несся к парусам всемирного залива...
От юности влечешь, приморская земля,
Земля, грустящая о дальних горизонтах,
И кипучая жизнь на стальных мастодонтах,
И зеленая дрожь под килем корабля...
В морском порту ты брат и чуждому народу,
И вселенная вся для сердца хороша,
И в одиночестве великую свободу
У моря чуешь ты, скитальная душа.
Невольно твой язык готов для всех наречий,
И в руке твоей мешок готов для всех путей...
Вот китаец идет, тяжесть взвалив на плечи,
Вон турок окружен грязной толпой детей,—
Даже смуглый индус, жемчугами востока
Унизавший и грудь, и покатоности плеч,
В отеле утром пьет по европейски мокка,
Променяв свой санскрит на британский ти-эч...

И все же ты царишь в толпе международной,
Язык Италии! Вот наступает час,
Когда с моря несет струею нехолодной,
И на кровлях домов луч еще не погас,—
Тогда Италия встает и чарованьем
Тревожит душу нам. Бессильны паруса;
Их сферой огненной покрыли небеса...
Вот первая звезда распустилась сияньем,
И певшая весь день у глухого дворца,
Бежавшая с рукой в пыли кабриолета,
С плеча гитару сняв, босая Фиамметта
Грустно кормит из рук ослепшего отца...

О Т ' Е З Д .

Ты, море тайное, ты, чаша из лазури,
Которую сам Дий украсил по краям,
Где играет дельфин, и чайки, жены бури,
Прикрепляют полет к трепетным кораблям!..
Когда уходят вдаль, бледнея, гор уклоны, —
Генуэзский залив, — и дрожит пароход,
Тех индийских морей предчувствуя циклоны,
Взгляды любви скользят долго по лону вод...
И тихая душа, привыкшая к безлюдью,
Тоскует и живет жизнью чаек и туч.
Простясь с лучем зари, вольной вздыхаю грудью,
Не зная, что сулит утра нового луч...
Но будет, будет миг: вдруг божества морские
Лазурный горизонт позволят разгадать,
Вдруг розами пахнет земная благодать,
И скажет капитан седой: „Александрия!“

ОЛИВЕТУМ.

От смутных дней совсем я уношусь порой
К морской Лигурии, на плавные заливы.
Серебряные вновь мне помнятся оливы,
Их рощи сизые над дымною горой.
К тем рощам масличным, где так тепло и немо,
Меж каменных оград и садиков скользя,
Ведет ступеньками кремнистая стезя.
Внизу,—скала домов,—раскинулось Сан-Рэмо,
И белая над ним, как призрак, Тринита...
А дальше, возле волн, где поезд мчится длинный,
Балконы протянув над сенью апельсинной,
Отдохновенная отелей суета
На солнце нежится... К горам лишь ропот милый
Плывет от города. В горах весна и труд
Земли. Копытами удерживаясь, тут
Осел вз'ерошенный везет крестьянку с вилой.
Верхом сидит она. Румянится слегка
Загар девический. Платок упал на плечи...
Смех, говор слышится простого языка,
Да с моря пароход вдруг загудит далече...
Оливы мирные! Ужель когданибудь
Я вновь задумаюсь под серебристой прядью
Ветвей евангельских, над Средиземной гладью,
Тем воздухом морским переполняя грудь?..

.

И СНОВА О ТЕБЕ...

И снова о тебе тоскую, как о милой,
О несравненная и мудрая моя!..
Все вижу я во сне тосканские края
И золотой залив с пурпурным кампанилэ.
Я приходить к тебе умел, и ты была
Наставницей души. Над склонами Тосканы,
Где, падая с оград, глициния цвела,
И с сельской простотой мы полнили стаканы
У меловых дорог, когда к вечерне звон
Звал путника с горы вновь в город благовонный,
Я ведал счастья дни, задумчиво влюбленный,
И мне не различить теперь, где явь, где сон...
Но благодати снов будь, смертный, благодарен.
Твой сон живет в тебе, еще он лучезарен...
Блуждай в своих мечтах... Не узнаешь ли ты
Вновь католический на поворотах запах
Благочестивых роз, сельчан в огромных шляпах
И Данта страстный стих на мраморе плиты?..

СОДЕРЖАНИЕ.

ЛИРИКА.

Стр.

1. Прошла над городом гроза. 9
2. Сумрак. Внемлю липы трепет. 10
3. Без волнений, без ненастий. 11
4. Сребра и злата не хочу. 12
5. Я улыбнулся призракам людей. 13
6. Мелодию любви люблю играть губами . . . 14
7. Безумец сам не чуешь ты 15
8. Еще ли жизнь не хороша 16
9. Созвучий ток, неясственный для слуха . . . 17
10. Когда ко мне приходишь ты 18
11. Свирели звуки в камыше 19
12. О сказочной и призрачной стране 20
13. Душу негой услаждают. 21
14. Мгновенною дорогою героя. 22
15. Ты хочешь знать, как дом свой новый . . . 23

СТИХИ ОБ ИТАЛИИ.

16. Памяти художника Сильвестра Щедрина. . . 27
17. Лик Флоренции. 29
18. Гостинница. 30
19. Гондола. 31
20. Язык Венеции. 33
21. К сторожу церкви Сан-Джорджо дэи Скьявони 34

22.	Венецианская дева.	36
23.	У Моста Вздохов	39
24.	Дитя Венеции	41
25.	Байрон в Венеции.	43
26.	Перевал.	44
27.	Генуя.	46
28.	От'езд	48
29.	Olivetum	49
30.	И снова о тебе.	50

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

PUELLULA. Сцена из римской жизни в стихах. Москва 1916.
(в продажу не поступало).

В ближайшее время появятся.

КАТУЛЛ. Избранные стихи. Перевод формами подлинника, вступительная статья и примечания С. ШЕРВИНСКОГО. К-во М. и С. Сабашниковых.

РОНСАР. Избранные стихи. Перевод, вступительная статья и примечания С. ШЕРВИНСКОГО. Государственное Издательство.

ПЛАВТ: „КУРКУЛИОН“, комедия в 5 д. Перевод формами подлинника Ф. А. ПЕТРОВСКОГО и С. В. ШЕРВИНСКОГО. Московское Театральное Издательство.

Готовится к печати.

Вторая книга стихов.

Склад издания в К-ве М. и С. САБАШНИКОВЫХ:

Москва, Никитский бул., 8, кв. 7. Телефон 1-15-54.

Обл. раб. Н. А. Ушановой-Ляминой.